

Письма, ныне предлагаемые благосклонному вниманию читателей «Бийского Вестника», ранее не публиковались. Данное уточнение было бы излишним, не обрети корреспонденция, полученная еще в 1983-м, за долгие годы бытования собственную отдельную историю. Более того, к немалой досаде своей, я считал сии замечательные материалы невозполнимо утраченными – по невнимательности ли, неосторожности или же в процессе периодически случающихся «оптимизаций» личного архива... Но воистину – «рукописи не горят»!.. Особенно такие, кои по праву справедливо считать фактом истории литературы, следовательно – феноменом культуры.

Еще в студенчестве я начал увлеченно заниматься «пилотным»

для того времени литературоведческим исследованием, впоследствии получившим название «Евгений Евтушенко – критик» и ставшим основой моей первой книжки (выпущена Алтайским книжным издательством в 1992-м). Затея оказалась весьма трудоемкой, в поисках необходимых сведений пришлось перелистать, зачастую «вслепую», наудачу, не один десяток подшивок периодических изданий. Помню, как с механической обреченностью просматривал газету «Алтайская правда» 1950-го года, осенние номера которой, как всегда в горячее время страды, были наполнены материалами на сельскохозяйственные темы. Но вдруг – счастливая находка!.. Среди деловых статей, корреспонденций, репортажей об уборке урожая и хлебосдаче – стихотворные строчки:

Широки на Алтае поля,
Хороша на Алтае земля,
Нивы солнечные бескрайны,
Проплывают по ним комбайны.
Нам великая радость дана
Видеть в будущем свой край.
Миллионами тонн зерна
Рапортует стране Алтай

Название – «Зерна будущего». Подпись – Евг. Евтушенко. Через семнадцать дней после данной публикации, а состоялась она 10 сентября, в краевой молодежной газете за тем же авторством было напечатано еще одно стихотворение – «На полях Алтая». Получается, что за два года до выхода в свет первого сборника Евгения Александрови-

ча «Разведчики грядущего» жители края, интересующиеся поэзией, были знакомы с именем автора...

Не правда ли, заманчиво сказать: вот, мол, именно Алтай стал местом первых публикаций Евтушенко!.. Однако будем точны: ранее прочих предоставила часть газетной площади незнакомому автору редакция «Советского

спорта», напечатав в 1949-м восемь стихотворений начинающего поэта. В следующем году, помимо упомянутого спортивного органа, молодым дарованием заинтересовались «Труд» и «Комсомольская правда», обнародовав по одному стихотворению, а осенью, в сентябре, – алтайские краевые газеты. Как видим, хотя и не первооткрывателями Евтушенко оказались «Алтайская правда» и «Сталинская смена» (тогдашнее название хорошо нам известной «Молодежи Алтая»), но краевая периодика – среди первых позиций в обширнейшей библиографии поэта. И самое интересное, как удалось выяснить, – не в московской квартире написаны были те стихотворения, а у нас, на алтайской земле!..

К сожалению, стерлось уже из памяти, как удалось мне связаться с доктором геолого-минералогических наук, профессором, крупным ученым в области металлогении и рудогенеза Давидом Иосифовичем Горжевским (16.03.1916 – 20.02.2000), благодаря отзывчивости которого и появились публикуемые ниже письма его коллег – Марианны Сергеевны Безсмертной и Владимира Ивановича Чернова. Последние ко времени нашего заочного знакомства стали уже известными учеными, авторами научных книг, а в 1950-м были молодыми исследователями, оказавшимися на Алтае в составе геологической экспедиции... Впро-

чем, слово «оказаться» содержит в себе некий элемент случайности, неуместный по отношению к прибывшим выполнять свою работу специалистам... Если кто и «оказался» тогда в поисковой партии, волею обстоятельств и собственного желания, так это восемнадцатилетний парень по имени Евгений Евтушенко!..

В силу ряда причин, мне не удалось в 80-е годы минувшего века опубликовать полученные от геологов письма, я лишь сослался на них в небольших публикациях в местных газетах. Факт пребывания поэта в нашем крае получил отражение в периодике – и только!..

Настоящая публикация вводит в научный оборот подлинные тексты Давида Иосифовича Горжевского, Марианны Сергеевны Безсмертной, Владимира Ивановича Чернова (я не позволил себе какой-либо правки, за исключением некоторых запятых; сохранил даже тогдашнее обращение «товарищ»), посвященные работе Евгения Александровича Евтушенко в геологической экспедиции в районе Змеиногорска в 1950-м году. Для специалистов очевидна неповторимая ценность первоисточников, любители же истории и литературы, равнодушные к прошлому Алтайского края, полагаю, получают удовольствие от познавательного чтения искренних, сердечных воспоминаний очевидцев давних событий.

* * *

Многоуважаемый тов. В.А. Возчиков! Извините, не знаю Вашего имени и отчества.

Как я уже говорил Вам по телефону, я лично в 1950 г. с Е.А. Евтушенко не общался, так как был начальником группы партий, в одной из которых и работал Евтушенко.

Попал он в партию моей группы по просьбе его мачехи – геолога (второй жены его отца А.А. Гангнуса) Натальи Александровны Фогельман, которая и сейчас работает в нашем институте.

Начальником партии, где работал Е.А. Евтушенко, был Владимир

Иванович Чернов – ныне профессор Московского геологоразведочного института. По моей просьбе он уже выслал Вам свои воспо-

минания. Геологом партии была Марианна Сергеевна Безсмертная. Ее воспоминания я Вам посылаю в этом письме.

*С уважением, Горжевский Д.И.
15.VI.83 г.*

Е. ЕВТУШЕНКО НА АЛТАЕ

В его жизни это был очень маленький эпизод. В 1950 году на Алтае продолжала работать Московская экспедиция Аэрогеологического треста. Наша партия была небольшой. Мы занимались поисками полиметаллических и серебряных руд в районе знаменитого в Петровские времена Змеиногорского рудника, принадлежавшего Демидову. По преданию, именно из змеиногорских руд Демидов чеканил незаконные монеты.

Обилием металла Алтай славился с незапамятных времен, еще в V-VI веках н.э. населявшие Алтай племена центральноазиатская молва называла «плавильщиками». Так, из летописных источников известно, что в VI веке, отказывая в сватовстве вождю алтайского племени Туг-Ю, жуань-жуаньский господарь, все еще считавший себя могущественнейшим, заявил: «Ты – мой плавильщик, как осмелился сделать такое предложение?» Следы добычи руд этими легендарными племенами, которые на Алтае объединяют под общим названием «чудь», в районе наших работ сохранились до сих пор в виде засыпанных, задернованных, поросших кустарниками и закапушек. Раскопки отвалов показывают, что древние разведчики неплохо знали свое дело.

Как и мы, Женя Евтушенко приехал из Москвы, но в нашу группу попал уже на Алтае. Родители Жени – геологи, и мы ждали увидеть потомственного геолога – сильного, спортивного, хорошо

прилаженного к жизни юношу. А к нам приехал худущий, длинноногий и длиннорукий угловатый растрепанный подросток.

Женю прикрепили ходить в маршрутах со мной. Он был тоже явно разочарован. Мечтал о романтике горных вершин, быстро несущихся порожистых потоках, густых таежных лесах. Горушки в нашем районе были совсем низенькие, пологие, поросшие скудной пожелтевшей растительностью.

В маршрутах Женя большей частью либо откровенно спал, даже шагая с тяжелым рюкзаком за плечами, либо настолько сосредоточивался на чем-то своем, что тоже казался отсутствующим.

Зато ночью он оживал – на сеновале или примостившись к ящику с образцами, даже в самых неудобных позах писал стихи. К нашему большому огорчению теперь, мы к этим занятиям Жени не относились тогда серьезно и не поняли, что вместо неудачного коллектора мы получили начинающего настоящего большого поэта. Стихов его тогда не читали, а Жене нужна была аудитория, и он ее нашел. Опять же по ночам Женя стал исчезать. Его привлекали задорные веселые частушки и танцы колхозной молодежи, в которых он стал принимать самое деятельное участие. Здесь все его стихи, тихонечко вручаемые приглянувшейся девушке во время танца, находили самых горячих поклонниц.

Однажды Женя устроил и нам карнавальную ночь, которая до сих

пор, более чем через тридцать лет, осталась ярким лучиком в суе обыденных мелочей. Где-то Женя раздобыл огромное количество старых сухих досок и плетней и устроил громадный костер, искры от которого взлетали выше окружающих деревьев и разлетались далеко по поляне. Все мы были молоды и, как все геологи, не чужды романтики. Вокруг костра начались пляски, в которых каждый, как умел, изображал ритуальные танцы дикой «чуди». Самым виртуозным был, конечно, Женя.

Вскоре, однако, с Женей нам пришлось расстаться. Его решили испробовать на подсобных хозяйственных работах – обеспечивать дровами кухню и подвозить хлеб и продукты из Змеиногорска. Ездить надо было верхом с переметными сумками. Очевидно, и здесь, в седле нерезвого рысака, Женя спал, мечтал и ждал вдохновения. Продукты частенько запаздывали к ужину, на который все собирались голодные после дальних маршрутов.

Однажды небрежно привязанные сумки развязались на мости-

ке, упали в реку и уплыли. Все остались не только без ужина, без хлеба на завтрак, но и вообще без упаковочных средств. После этого начальство отправило Женю назад в Москву.

А работа продолжалась. Маленькое рудопроявление на реке Корболихе выросло в крупное месторождение, были получены и отпразднованы премии за утвержденные запасы. На месте селения из нескольких домиков вырос мощный шахтерский комбинат.

Теперь Женя – известный поэт Евгений Евтушенко, прекрасными произведениями которого мы гордимся, как и все в нашей стране. Среди них есть небольшое, но дорогое для нас стихотворение о геологах. Очевидно, и в жизни Большого Евгения Евтушенко осталась какая-то зацепочка от скромного алтайского эпизода. Мы, кто был тогда рядом с ним, уже бабушки. Мне 67 лет, я давно старший научный сотрудник, кандидат наук, но все еще не сдаюсь и работаю. Сейчас пишем большую монографию по рудным минералам.

Марианна Сергеевна Безсмертная – кандидат г/м наук, старший научный сотрудник института минералогии и геохимии месторождений редких элементов (г. Москва).

* * *

Глубокоуважаемый товарищ В.А. Возчиков!

Мой многолетний коллега по работам на Алтае профессор Д.И. Горжевский сообщил мне, что Вашу редакцию [имеется в виду газета «Бийский рабочий» – В.В.] интересуют сведения, связанные с пребываем на Алтае Евг. Евтушенко. То, что может представлять интерес в этом отношении, я написал и прилагаю. Используйте этот текст, как найдете нужным: либо как заметку, либо как источник сведений при подготовке других материалов.

Буду благодарен, если пришлете мне номер Вашей газеты, в котором это найдет отражение.

С уважением, В.И. Чернов,
профессор МГПИ имени Серго Орджоникидзе

Это было летом 1950 года. В ту пору я, аспирант Московского геологоразведочного института им. С. Орджоникидзе, работал по своей теме на рудном Алтае во главе небольшой геологоразведочной партии. Называлась она Корбалихинской, так как работала на правом берегу реки Корбалихи [правильное название – Корболиха. – В.В.], между Змеиногорском и пос. Карамышевом [имеется в виду село Карамышево. – В.В.]. Велись работы, обычные для предварительной разведки: бурилась скважина, отряд горнорабочих проходил шурфы и канавы, геологи со своими помощниками документировали выработки, составляли геологическую карту.

В начале лета в Москве в наш небольшой коллектив был зачислен на время полевых работ юноша, которого рекомендовали мне как любознательного, интересующегося жизнью геологов, немного уже знакомого с ней, пишущего стихи. Все это располагало к нему, если не считать последнего обстоя-

тельства, на которое я, признаться, вообще не обратил внимания, зная, сколь ничтожна вероятность появления серьезного литератора из многотысячной гущи тех, кто пробует в юности свое перо.

Вот почему Евгений Евтушенко (а это был он) с первых же дней получил полную нагрузку коллектора, во всем ее разнообразии. Здесь и отбивание каменных образцов, и перенос их десятками килограммов за спиной во время маршрутов, этикетирование их, занесение в журнал, упаковка. Здесь и перечерчивание карт, и переписка разных текстов. Здесь, наконец, и хождение на рассвете с рюкзаком в Змеиногорск за продуктами (суровость послевоенных лет еще чувствовалась). Насколько я знаю, только этот последний вид своей деятельности (кстати, не главный) Евгений отразил в одном из своих позднейших стихотворений [полагаем, имеется в виду стихотворение 1956-го года «Продукты», включенное поэтом во многие сборники; приведем фрагмент произведения:

*Я был посредственный коллектор,
Но был талантливый завхоз.
От продовольственной проблемы
Я всех других спасал один,
И сочинял я не поэмы,
А рафинад и керосин.
И с пожеланьями благими
Субботу каждую меня
Будили две геологини
И водружали на коня...*

К слову сказать, алтайскими впечатлениями навеяно и другое стихотворение 1956-го года – «Бывало, спит у ног собака» – В.В.].

Помнится, по многу часов приходилось ему заниматься еще одним делом, весьма нужным в геологии, но менее всего несущим

вдохновение, – искать окаменелые раковины, перебирая и раскалывающая один за другим обломки девонских сланцев, которые кучами возвышались над многочисленными канавами и шурфами. Должен признать, что в этой работе Евгений проявлял немалую стойкость.

Издали можно было видеть его фигуру, согнувшуюся над отвалами шурфа, слышать непрерывный стук молотка и пение все одной и той же арии «Цветок душистый прерий», которое, видимо, помогало ему работать.

Жили мы в палатках, а с документами работали в одном из домов пос. Петровского [такого поселка, насколько нам известно, близ Змеиногорска нет; видимо, В.И. Чернов имеет в виду Петровское рудное месторождение, при котором, очевидно, был какой-то населенный пункт. – В.В.]. Дом этот стоял на отлете среди тополей на левом берегу Корбалихи. И вот здесь бывали моменты, когда я начинал чувствовать, что занятия Евгения поэзией – вещь более серьезная, чем кажется.

Нельзя было не заметить, с каким постоянством он, в немногие свои свободные часы, писал за столиком, который он оборудовал себе в углу нашего камерального помещения и где хранил свои рукописи. Запомнилось и другое: субботними вечерами, когда все мы после бани собирались за столом для дружеской беседы, частенько кто-нибудь просил Евгения прочитать свои стихи. Он делал это без уговоров, читал на память, и каждый раз я, помнится, с некоторым

недоумением отмечал про себя, что этот длинный и тонкий парень, еще не утративший угловатость подростка, с острым подбородком и на редкость светлыми голубыми глазами, стихи-то пишет настоящие, а совсем не любительские поделки... И декламирует он их в той певучей манере, которую до того мне приходилось слышать лишь у профессиональных поэтов.

Наступали, однако, новые трудовые будни, а с ними и проза, хоть и увлекательная для геолога, но все же проза.

В конце лета Евгений уехал. Закинув за плечо небольшой рюкзачок, поймав попутный грузовик (автобусов тогда здесь не было), он отправился по очень тряскому в ту пору тракту на станцию Третьяково.

Я понимал, конечно, что наш труд и быт – это не совсем та романтика, за которой ехал Евгений к геологам Алтая, но считал, что все это к лучшему, так как надеялся, что в будущем, когда пройдет поэтическое увлечение, он станет дельным геологом, и тогда этот опыт ему пригодится. Думая так, я, как теперь видно, ошибался, но это один из тех редких случаев, когда, ошибившись, нисколько об этом не жалеешь.

*В.И. Чернов,
профессор МГПИ им. С. Орджоникидзе.*

13.VI.83
Москва

* * *

Алтайское лето – лишь короткий эпизод в богатой событиями биографии Евгения Александровича Евтушенко, но видится оно нам одним из духовных истоков его творчества, тем живительным родником, где молодой поэт черпал

первый жизненный опыт. Ведь без маленьких ручейков, как известно, не бывает полноводной реки, коей можно уподобить многогранное творчество Евтушенко – поэта, прозаика, литературного критика, публициста, кинорежиссера, актера,

фотохудожника... Не уверен, что перечислил все ипостаси, в которых явила себя талантливая личность!..

Конечно, мечталось мне лично расспросить Евгения Александровича об «алтайском лете», однажды даже позвонил ему в Переделкино, надеясь на встречу. Однако

И мы не умрем,

А умрем – не поверим!

Поэт оставил земной мир 1 апреля 2017-го – в день, когда любое сообщение принято подвергать сомнению... Увы, в трагическое известие из далекой Оклахомы пришлось поверить...

Вот обратился к давним событиям – и подумалось: мир литера-

попал не вовремя: Евтушенко был поглощен работой над фильмом «Детский сад» и сослался на крайнюю занятость, сказав буквально:

– Я ищу в сутках двадцать пятый час...

В одном из стихотворений 1974-го года Евгений Александрович словно выдохнул:

туры – пространство единое, нет в нем «центров» и «провинций», исчезни вдруг какой-то сектор – и общая картина изменится, смажется... Так пусть же греют и обращают к добру наши души костры геологов на речке Корболихе и звучащие под ночным небом Алтая стихи!..